

оставляется безъ вниманія, въ особенности когда оно не идетъ въ разрѣзъ съ привычками самого наблюдателя. Еслибы министерское распоряженіе и не указывало цѣлыхъ категорій, устраняемыхъ отъ общенія съ гимназическимъ міромъ, исполнители распоряженія невольно оказались бы наиболѣе строгими именно къ этимъ категоріямъ. Гораздо легче установить—или предположить—недостатокъ „домашняго надзора“ въ семьѣ кучера или прачки, чѣмъ въ семьѣ болѣе или менѣе крупнаго чиновника, хотя на самомъ дѣлѣ послѣдняя не имѣетъ, быть можетъ, никакого преимущества передъ первою. Допустимъ, наконецъ, что „вредное вліяніе“ на товарищей возможно всего скорѣе со стороны учениковъ, принадлежащихъ къ одному изъ низшихъ классовъ общества; неужели нельзя противодѣйствовать этому вліянію, неужели нельзя ни излечить больныхъ, ни предупредить распространеніе болѣзни? Мы не такого дурнаго мнѣнія о воспитательномъ значеніи гимназій. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что огромное большинство гимназій—заведенія открытыя, въ которыхъ ученики проводятъ ежедневно менѣе шести часовъ; рекреаціи, въ теченіе которыхъ ученики свободно разговариваютъ другъ съ другомъ, продолжаются не болѣе часу. Уберечь, въ это время, овецъ отъ козлищъ—дѣло вполне осуществимое и даже не особенно трудное. Въ начальной народной школѣ учатся дѣти, изъ которыхъ почти никто не испыталъ на себѣ, до вступленія въ школу, никакихъ цивилизующихъ вліяній; они остаются въ школѣ не болѣе 3-4 лѣтъ—и все-таки выходятъ изъ нея нравственно лучшими, если только учитель или учительница стояли на высотѣ своего призванія. Это справедливо не только по отношенію къ сельской начальной школѣ, но и къ городской, поставленной въ особенно неблагоприятныя условія. Неужели задача, съ которою справляется начальная школа, непосильна для гимназій, располагающей и вдвое болѣе широкимъ, и несравненно болѣе обширными средствами?

Дѣти кучеровъ, прачекъ и „тому подобныхъ людей“ не должны быть „выводимы изъ среды, къ которой они принадлежатъ“, развѣ если они „одарены необыкновенными способностями“. Какъ же удостоверить, однако, въ наличности такихъ способностей, если отказъ, основанный на изслѣдованіи „матеріальнаго быта“, долженъ предшествовать допущенію къ пріемнымъ испытаніямъ? „Необыкновенныя способности“, притомъ, часто обнаруживаются уже впоследствии, именно благодаря гимназическому обученію. Обусловливать пріемъ въ гимназію принадлежностью къ извѣстному общественному классу или обладаніемъ извѣстными средствами, значить закрывать доступъ къ гимназическому, а слѣдовательно и къ университетскому образованію для цѣлой массы дѣтей, безъ различія между способными и неспо-